

Не успел Ань Янь опомниться, как это сияние внезапно стало интенсивным, ослепив его настолько, что он рефлекторно прикрыл глаза рукой.

Это лекарство подействовало? Или что-то пошло не так?

В душе Ань Яня было тревожно, он уже собрался, пересиливая режущий глаза яркий свет, посмотреть, в чём дело, как вдруг его талию чем-то обвили. Он испугался и инстинктивно потянулся рукой пощупать — и нащупал пушистый, тёплый хвост.

Нащупав этот хвост, первой мыслью Ань Яня было: значит, старший всё же успешно трансформировался? Вот и отлично!

Но тут же он осознал, что это хвост, принадлежащий белому тигру, и его всего передёрнуло. Дрожащими руками он попытался отодрать обвивший его талию хвост, но из-за сильного страха в руках совсем не было сил, и так и не смог этого сделать.

Эти движения, напротив, вызвали у Чэн И, уже принявшего форму белого тигра, приятный низкий звук из горла, который он не смог сдержать. «Малыш так дразнит меня — значит, ему очень нравится моя звериная форма?»

С такой мыслью Чэн И не только обвил хвост ещё крепче, но и переднюю лапу с убранными когтями опустил на животик малыша, а затем медленно переместил её на две округлые упругие ягодицы и слегка нажал. Мм, действительно мягко и упруго.

Ань Янь и так был напуган этим тигриным хвостом до полусмерти, а тут ещё и когти Чэн И принялись терзать его сверху и снизу — он чуть не расплакался:

— Ты... отпусти меня скорее...

Он уже перестал думать о том, что этот белый тигр — превратившийся Чэн И, его мысли были только о том, что сейчас его терзает свирепый белый тигр, и его всего начало трясти.

Вместе с полным страха дрожащим голосом Ань Яня сияние на теле Чэн И постепенно рассеялось. Когда зрение вернулось в норму, первое, что он увидел — жалкий вид малыша с затуманенными глазами, который вот-вот мог расплакаться.

Чэн И испугался состояния малыша, мгновенно отпустил хвост и лапу и отступил на два шага назад.

Но почему-то готовый вот-вот заплакать вид малыша словно затронул какие-то потаённые эмоции в глубине его души, мгновенно породив в нём желание придавить малыша под себя и довести его до слёз.

Эта мысль сделала и без того тёмные тигриные глаза глубокими, как бездна; он впился взглядом в маленького человечка перед собой, словно хищник, увидевший добычу.

К счастью, даже в звериной форме Чэн И ещё сохранял рассудок, иначе он действительно мог бы прямо там довести малыша до слёз.

Когда его отпустили, Ань Янь всё ещё не мог прийти в себя; дрожа, он отступил в угол стены и даже не смел взглянуть в ту сторону — до чего же жалкий вид!

Увидев эту сцену, Чэн И, в котором только что пробудились звериные инстинкты, почувствовал угрызения совести и душевную боль. Он только что думал лишь о том, как бы поладить с малышом, и забыл, что малыш, будучи хомяком-духом, естественно, очень боится его.

— Прости, Янь-янь. — Чэн И с чувством вины заговорил, но из-за своей формы в ушах Ань Яня это прозвучало как два низких рыка.

Ань Янь испугался ещё сильнее — вероятно, от переизбытка страха в следующий миг он внезапно превратился обратно в хомяка и с писком «Ци-ци-ци» побежал в угол, прижавшись дрожащим маленьким тельцем к стене и не смея обернуться.

С того места, где стоял Чэн И, отлично было видно маленький приподнятый хвостик малыша. На миг он почувствовал и душевную боль, и одновременно не знал, плакать ему или смеяться.

Он хотел приблизиться к малышу, успокоить его испуг, но боялся, что его приближение лишь сильнее напугает малыша, и на миг оказался в полной растерянности, не зная, что предпринять.

Световой комм невозможно использовать в обычном режиме, а он не знал, как вернуться в человеческую форму. Неужели ему остаётся только смотреть, как малыш дрожит, забившись в угол?

Чэн И пребывал в тревоге, как вдруг в этот момент раздался сигнал светового комма.

Хотя тигриной лапой открыть световой комм невозможно, он всё ещё мог принимать информацию и вызовы извне. И сейчас он получил видеовызов от мамы Чэн.

В сложившихся обстоятельствах Чэн И не следовало бы принимать вызов — всё-таки он сейчас в форме белого тигра, и нормально поговорить с матерью не сможет, да и его легко можно было бы выдать.

Но, взглянув на малыша, всё ещё съёжившегося в углу и дрожащего от страха, Чэн И почти не колеблясь изменил решение.

Сначала он подключил видеовызов, а затем мгновенно настроил изображение так, чтобы камера смотрела прямо в угол.

Таким образом, когда вызов подключился, мама Чэн увидела только Ань Яня, съёжившегося в углу.

Мама Чэн позвонила в этот момент, потому что у неё было дело к старшему сыну, но, увидев картинку на экране, всё её внимание тут же переключилось на маленького хомячка.

— Это... это же Янь-янь! Ты же раньше говорил, что Янь-янь ушёл со своей мамой-хомячихой? Почему он снова вернулся? — Мама Чэн сначала испугалась, но тут же заметила, что с хомячком что-то не так: — Почему Янь-янь съёжился в углу и выглядит так, будто его напугали? А-И, ты обидел Янь-яня?

Чэн И, разумеется, не мог ответить и лишь внимательно следил за состоянием малыша, надеясь, что звонок матери принесёт ему необходимое успокоение.

Не получив ответа от сына, мама Чэн удивилась и слегка рассердилась, но сейчас, через экран, она не могла проверить, что происходит, а учитывая, что с Янь-янем, похоже, действительно что-то неладно, она могла лишь смягчить голос и утешать:

— Янь-янь, ты помнишь маму? Несколько дней не виделись, ты скучал по маме?

На самом деле, как только вызов подключился и Ань Янь услышал голос мамы Чэн, он немного пришёл в себя. Просто он действительно был напуган до смерти и на мгновение растерялся, не зная, что делать.

Услышав нежный голос мамы Чэн, Ань Янь постепенно отпустил страх в душе и медленно повернулся лицом к камере.

Такой маленький хомячок на экране выглядел как крошечный комочек — до невозможности милый.

Но по какой-то причине в его чёрных глазках-бусинках явно стоял туман, в них читалась обида, даже крошечный носик был влажным — вид у него был невероятно жалкий.

Сердце мамы Чэн готово было растаять, и голос её стал ещё мягче:

— Янь-янь, не плачь, мама здесь. Это Чэн И тебя обидел? Ты мне скажи, я его проучу, хорошо?

В том, чтобы растаять от вида малыша, признавался и Чэн И, который лежал рядом, держа одной тигриной лапой световой комм.

Хотя малыш сейчас выглядел очень жалко, Чэн И, хоть убей, не мог удержаться от мысли: такой малыш просто невыносимо привлекателен!

Благодаря утешениям мамы Чэн настроение Ань Яня почти пришло в норму. Вспоминая только что произошедшую сцену, он, хотя всё ещё испытывал некоторый страх, больше чувствовал неловкость.

Хотя для хомяка бояться белого тигра — совершенно нормально, этот белый тигр в конце концов был не настоящим тигром, а превратившимся Чэн И, и Чэн И точно не причинил бы ему вреда.

А когда он вспомнил, как только что от страха на глазах превратился обратно в хомяка, забился в угол и не смел шевельнуться, ему стало ужасно стыдно за своё поведение.

Поскольку он смотрел прямо в камеру, краем глаза он случайно заметил, что неподалёку сидящий большой белый тигр смотрит на него с полной тревоги нежностью, и тут же, смутившись, поднял лапку и прикрыл ею свою хомячью мордочку.

Интересно, Чэн И теперь не будет презирать его за такое поведение?

Чэн И, конечно, не будет презирать. Мало того — сейчас он был совершенно покорён малышом.

Как же его малыш может быть таким милым?!

Если бы не всё ещё идущий видеозвонок с мамой Чэн, Чэн И, возможно, не сдержался бы и бросился прямо к нему.

Мама Чэн на экране, увидев это, тоже вздохнула с облегчением и мягко улыбнулась:

— Янь-янь застенялся?

— Ци... ци-ци... — Я... вовсе не стесняюсь.

Мама Чэн рассмеялась и уже собралась позвать сына, как вдруг связь оборвалась.

Чэн И подключил вызов только для того, чтобы мать успокоила малыша. Раз цель достигнута, нужно было как можно скорее прервать звонок, чтобы не выдать себя.

Мама Чэн на другом конце провода была и удивлена, и рассержена — она всего лишь хотела ещё немного посмотреть на своего младшего сыночка, как старший сын мог быть таким бессердечным!

Но по крайней мере она узнала, что Янь-янь всё ещё рядом с А-И, а значит, в выходные она снова сможет увидеть милого Янь-яня.

Подумав об этом, настроение мамы Чэн значительно улучшилось, хотя сейчас она явно уже забыла, что звонила Чэн И не просто так, а по важному делу.

Прервав звонок, Чэн И медленно поднялся. Ему хотелось приблизиться к малышу, но он боялся снова напугать его, и на миг заколебался.

Ань Янь, конечно, заметил нерешительность Чэн И, и в душе ему стало ещё более стыдно.

Ведь это он с помощью лекарства превратил Чэн И в нынешнюю форму, а потом ещё и так бурно отреагировал, и теперь Чэн И вынужден искать способ его успокоить — как это нехорошо с его стороны!

К тому же, старшему Чэн И сейчас, наверное, очень грустно?

Чем больше Ань Янь думал, тем сильнее его грызли стыд и чувство вины. Остатки страха в душе рассеялись, он глубоко вздохнул, изо всех сил набрался храбрости и шаг за шагом направился к Чэн И.

Но даже так, на этом коротком пути к Чэн И он несколько раз останавливался и несколько раз настраивал себя психологически.

И всё это время Чэн И неподвижно стоял на месте, терпеливо дожидаясь приближения малыша.

Наконец крошечный хомяк очутился перед большим белым тигром, и тогда Чэн И начал двигаться.

Увидев, что Чэн И неожиданно зашевелился, Ань Янь порядком испугался — его маленькое тельце окаменело.

Но на этот раз он не убежал. Сколько бы страха он ни чувствовал внутри, он больше не мог ранить Чэн И.

Чэн И слегка опустил голову, медленно приближаясь к крошечному хомяку. Он чувствовал, как напряжено тело малыша и как тщательно скрываемый страх в глубине его глаз, но не останавливал своих движений.

Пока... его нос слегка не коснулся крошечного носика малыша, и дыхание тигра и хомяка медленно не смешалось.

В тот миг, казалось, само время замерло. Ань Янь словно отчётливо слышал биение своего сердца — тук-тук, тук-тук.

А потом страх внезапно ушёл. Он даже сам слегка потёрся о тигриную морду Чэн И.

Чэн И был очень доволен такой близостью малыша; из его ноздрей тут же вырвалась струя тёплого воздуха, растрепавшая пушистую шёрстку на мордочке малыша.

Ань Янь хотел было отпрянуть, но Чэн И подцепил его тигриной лапой и легонько забросил к себе на спину.

В форме белого тигра спина Чэн И была широкой, большой и очень тёплой. Избавившись от страха, Ань Янь очень наслаждался этим ощущением.

Он тихо лежал на спине Чэн И, чувствуя тепло его тела, и почему-то ему стало спокойно.

Но спокойствие длилось недолго — ведь ему ещё нужно было придумать, как помочь Чэн И вернуть человеческий облик!

<http://bllate.org/book/12415/1106145>